

Русский Христианский Кружокъ молодыхъ людей.

Revue mensuelle

Ноябрь — Декабрь 1934

LE MESSAGE

ВѢСТНИКЪ

РУССКАГО СТУДЕНЧЕСКАГО
ХРИСТИАНСКАГО ДВИЖЕНІЯ

XI—XII

1934

ПАРИЖЪ

9-мѣ голѣ изданія.

Цѣна номера 2 фр.

Вышелъ 30 декабря.

„ВѢСТНИКЪ“

(десятый годъ изданія)

Открыта подписка на 1935 годъ

Подписн. плата на годъ 20 фр. франковъ (или эквивалентъ по курсу дня). Для движенцевъ, студентовъ, рабочихъ — 15 фр. (или эквивалентъ въ мѣстной валютѣ по курсу дня).

Вѣстникъ въ этомъ году будетъ удѣлять особое вниманіе освѣщенію всѣхъ вопросовъ современности съ христіанской точки зрѣнія.

Вѣстникъ по прежнему будетъ удѣлять особое вниманіе жизни молодежи за границей и въ Совѣт. Россіи.

Пробные №№ по первому требованію бесплатно.

Увѣдомленія о подпискѣ и подписную плату направлять по адресу Т. Lagovskaja, J. Kuperjanovi 14, Tartu. Estonie, или представителей журнала.

О Г Л А В Л Е Н І Е № 11—12 (1934)

Парижъ 15 декабря	3
Прискорбное недоразумѣніе	5
Міровоззрѣніе въ краскахъ и линіяхъ. Князь. Е. Н. Трубецкой . . .	11
Пути сближенія между Православной и Агликанской церквами. — (Окончаніе) Н. М. Зерновъ	20
Совѣтская жизнь. И. Лаговскій.	22
„Церковное торжество въ Москвѣ“ („Журналь Москов. патриархіи“) .	27

40286410
г. Москва, Нижняя Радищевская
ДОМ
РУССКОГО ЗАРУБЕЖИЯ
№ 1

РУССКОЕ СТУДЕНЧЕСКОЕ ХРИСТИАНСКОЕ ДВИЖЕНІЕ ЗА РУ-
ВЕЖОМЪ ИМѢЕТЪ СВОЕЮ ОСНОВНУЮ ЦѢЛЮ ОБЪЕДИНЕ-
НІЕ ВЪРЮЩИХЪ МОЛОДЕЖИ ДЛЯ СЛУЖЕНІЯ ПРАВОСЛАВ-
НОЙ ЦЕРКВИ И ПРИВЛЕЧЕНІЕ КЪ ВЪРѢ ВО ХРИСТА НЕВѢ-
РУЮЩИХЪ. ОНО СТРЕМИТСЯ ПОМОЧЬ СВОИМЪ ЧЛЕНАМЪ
ВЫРАБОТАТЬ ХРИСТИАНСКОЕ МІРОВОЗЗРѢНІЕ И СТАВИТЬ
СВОЕЮ ЗАДАЧЕЙ ПОДГОТОВЛЯТЬ ЗАЩИТНИКОВЪ ЦЕРКВИ
И ВЪРЫ, СПОСОБНЫХЪ ВЕСТИ БОРЬБУ СЪ СОВРЕМЕННЫМЪ
АТЕИЗМОМЪ И МАТЕРІАЛИЗМОМЪ.

15 Декабря 1934 г. Парижъ.

Въ Москвѣ сов. власть поста-
новила разрушить Страстной мо-
настырь для того, чтобы увели-
чить размѣры площади, словно
въ насмѣшку названной именемъ
А. С. Пушкина. Безумное дѣяніе
сов. власти является какъ бы
символомъ современной дѣйстви-
тельности. Всюду — подъ тѣми
или иными формами — разру-
шаются „Страстные монастыри“
— высшія цѣнности челов. духа,
попирается правда Христова —
во имя „расширенія площадей“:
во имя тѣхъ или иныхъ „поли-
тическихъ“, „національных“,
„экономическихъ“ и иныхъ за-
дачъ. Міромъ владѣетъ безуміе
„относительности“. Вѣчные огни
незыблемыхъ цѣнностей забыты
или сознательно отвергнуты. Без-
принципное „дѣлячество“, пре-
клоненіе предъ „задачами сегод-
няшняго дня“, „хлопоты о своемъ,
только о своемъ домѣ“ стали един-
ственными началами жизни. — Во
имя „политическихъ расчетовъ“,
во имя „здороваго національнаго
эгоизма“ дѣятели одного госу-
дарства попускаютъ истребленіе

дѣятелей и патриотовъ другого
государства. Дѣятели „право-
выхъ, культурныхъ государствъ“,
находясь въ странѣ, гдѣ „пачка-
ми“ уничтожаютъ людей, ведутъ
„дружественные“ переговоры съ
тѣми, кто въ паническомъ страхѣ
клянется, что „къ 1935 году не
останется въ живыхъ ни одного
изъ враговъ Сталина,“ кто уби-
ваетъ людей тотчасъ послѣ вы-
несенія „приговора“. На гробъ
убитаго Кирова спѣшатъ возло-
жить вѣнки. А что возложить
на могилу 66, разстрѣлянныхъ
чрезъ пять минутъ послѣ „при-
говора“? Какъ почтять память без-
численнаго множества другихъ,
приготавливаемыхъ къ убіенію?
Политическій терроръ безуміе, и
жертвы его, къ какому бы лагерю
они не принадлежали, всегда
достойны жалости. Но осужде-
ніе политическаго террора долж-
но быть двустороннимъ: нельзя
осуждать отдѣльныхъ террори-
стовъ, и оправдывать или замал-
чивать преступленія государствъ,
превращающихъ терроръ въ
средство управленія. Предъ прав-

дой Христовой — преступно и то, и другое. Самое страшное, что все это безуміе большинству кажется естественным, нужным, единственно спасительным. Никого нельзя „обвинять“, потому что „всѣ, какъ всѣ.“ Многие даже не поймутъ, что тутъ страшнаго. Все такъ просто и понятно — удовлетвореніе нашихъ „справедливыхъ“, „національных“, „государственныхъ“ „политическихъ“, „экономическихъ“ нуждъ, „заботы о безопасности“ требуютъ этого. Ненависть и подозрительность стали основными силами общественной жизни. И исполняется слово пророка: „Легкомысленно врачуютъ болѣзнь дщери народа моего, говоря: „миръ, миръ“, а мира нѣтъ“ (Иереміи 8, 11). Мира нѣтъ и не будетъ. Миръ міра строится на ложной и лживой основѣ. „Вы съѣте много, а собираете мало; ѣдите, но не въ сытость; пьете, но не вдоволь; одѣваетесь, а тепла вамъ нѣтъ; зарабатывающій плату, зарабатываетъ для дираваго кошелька... Ожидаете много, а выходитъ мало; и что приносите домой, то Я развѣю, говоритъ Господь“ (Аггея 1, 6. 9). Развѣ эти слова пророка не приложимы цѣликомъ къ тому, что мы видимъ кругомъ, къ тому, что испытываемъ ежедневно, ежедневно? Причина такого состоянія суетливой, бесплодно-утомляющей дѣятельности, которая раздражаетъ, не удовлетворяя, обманываетъ, не радуя, всегда одна и та же. „За что? За то, что Мой домъ въ запустѣніи, между тѣмъ, какъ вы хлопчете каждый о своемъ домѣ“ (Аг. 1, 9).

Духовное непониманіе достигло такихъ степеней, что для мно-

гихъ, очень многихъ современныхъ политическихъ и общественныхъ дѣятелей самая готовность „хлопотать и трудиться“ прежде всего во имя „Дома Господня“, а не во имя „своего дома“, кажется подозрительной, кажется прикрывающей инья, „тайныя“ цѣли. Правда — простая, ясная, понятная для чистыхъ сердцемъ, имъ кажется невозможностью. Они — добросовѣстно заблуждаясь, создаютъ свою измышленую правду и вѣрятъ ей, какъ истинѣ. Одержимость нечувствіемъ истины можетъ быть не только болѣзнь ума. Она можетъ быть болѣзнь сердца и воли.

Христіанство можетъ и должно быть сильнымъ и независимымъ, должно быть здоровіемъ и силой исцѣленія. Но христіане — разучились быть сильными, независимыми, быть здоровыми. Забота „о своемъ домѣ“, угасаніе ревности прежде всего и больше всего о славѣ Дома Божія, о славѣ дѣла Христова дѣлаетъ ихъ солью, теряющей свою осоляющую міръ силу.

Христіанинъ есть прежде всего воинъ Христовъ, и Церковь — есть „екклезія“ — собраніе гражданъ Христова Царства, гражданъ, несущихъ опредѣленное служеніе, способныхъ и призванныхъ вести духовную брань, войну съ неправдой міра.

Воинствованіе во имя Христово предполагаетъ и требуетъ готовности къ лишеніямъ, испытаніямъ, даже страданіямъ. Св. Апостолъ Павелъ каждымъ своимъ посланіемъ внушаетъ и убѣждаетъ, что „всѣ, желающіе жить благочестиво во Христѣ Исусѣ, гонимы будутъ“ (2 Тим. 13, 12.) Хри-

стіанское челоуѣчество за послѣдніе вѣка своего существованія утратило волю „къ пріятію страданій“. Путь крестный — единственный путь Христіанства — подмѣнился стремленіемъ, оставаясь „христіаниномъ“, устроиться „комфортабельно“ и мистически и житейски. Духовно боевая собранность и готовность все презрѣть во имя Христово, дающія силу властвовать надъ міромъ, дающія христіанину высочайшую свободу и независимость, подмѣнилась готовностью „приспособляться къ требованіямъ обстоятельствъ“, „разсчетовъ“, „хлопотъ о домѣ своемъ“, подмѣнилась робкой боязнью испытаній, скорбей, страданій. И міръ плѣнилъ разслабленныхъ.

Прискорбное недоразумѣніе.

Латвійск. Телеграф. Агентство (ЛТА) 6. XII сообщило о закрытіи Русск. Студенч. Православнаго Единенія въ Ригѣ.

Сообщенія Латвійской прессы по поводу постановленія о закрытіи Р. П. С. Единенія свидѣтельствуютъ о томъ, что Единеніе стало жертвой печальнаго недоразумѣнія, основаннаго на невѣрной или даже тенденціозной информации о дѣятельности Р. С. П. Единенія и Русск. Студ. Христіанскаго Движенія зарубежомъ

Приводимъ текстъ такого сообщенія полностью, заимствуя его изъ газеты „Jāunakās Zinās“ („Новѣйшія Извѣстія“) отъ 7. XII. 34 года. „Закрытіе вредной организациі возстановленія святой Рос-

Рождество Христово — есть начало Голгофы, первый земной шагъ Бого-младенца на пути, ведущемъ ко кресту, смерти и погребенію, на пути, увѣнчивающемся — послѣ тридневнаго пребыванія во гробѣ — Славнымъ Воскресеніемъ. Не даромъ — предрождественскія богослуженія Православной церкви повторяютъ мотивы и пѣснопѣнія страстной недѣли. Христіанскій міръ тогда воистину и дѣйственно воспринимаетъ Рождество, когда приметъ его какъ страстное Рождество, когда облечется въ готовность воинствовать, даже до страданій и пролитія своей крови, за Богомладенца, за Имя и Силу Христову.

сіи“. Въ свое время въ Ригѣ было основано общество „Русское Православное Студенческое Единеніе“. Хотя уставъ этой организациі совсѣмъ невиненъ, она, вопреки уставу, занималась политикой въ духѣ національнаго шовинизма и руссификаціи, проповѣдовала идею возстановленія „единой, святой, великой Россіи“. Само собою понятно, что въ Р. П. С. Единеніе объединялись главнымъ образомъ только въ такомъ духѣ настроенные русскіе люди.

Выяснено, что это общество — тайное отдѣленіе Парижской эмигрантской организациі „Русское Студенческое Христіанское Движеніе зарубежомъ“. У Парижской центральной организациі

военная окраска. Цѣль организации — возстановить „великую единую святую Россію“. Она руководила также въ Ригѣ нелегальными собраниями русскихъ людей Балтійскихъ Государствъ. Теперь вице Министръ внутреннихъ дѣлъ А. Берзинъ закрылъ Р. П. С. Единеніе и назначилъ для этого ликвидационную комиссію.

Ознакомившись съ этимъ сообщеніемъ „Русск. Студенч. Христіанское Движеніе зарубежомъ“, рѣшительно заявляетъ, что всѣ утвержденія даннаго сообщенія ни въ какой мѣрѣ не соотвѣтствуютъ дѣйствительности и являются плодомъ недоразумѣнія, основаннаго на недостаточно проверенной или даже прерватной информации.

I. Русское Студенческое Христіанское Движеніе зарубежомъ рѣшительно отвергаетъ утвержденіе, что Рижск. Студенч. Православное Единеніе было тайнымъ отдѣленіемъ Р. С. Х. Движенія зарубежомъ“. Ничего тайнаго и замаскированнаго въ дѣятельности Р. П. С. Единенія въ Ригѣ никогда не было.

Р. П. С. Единеніе въ Ригѣ не разъ публично, въ печати, заявляло, что оно, будучи административно совершенно независимой самоуправляющейся организацией русскаго студенчества въ Латвіи, „входитъ, въ качествѣ таковой, въ Федерацию Русскихъ студен. Христіанскихъ Движеній, имѣющую названіе „Р. С. Х. Движеніе зарубежомъ“, легально существующую во всѣхъ странахъ Европы, и состоитъ съ ней въ

молитвенной и духовной связи.“ Только весной этого года Р. П. С. Единеніе еще разъ заявило объ этомъ на страницахъ органа Федерациі Движеній — „Вѣстникъ“ Р. С. Х. Движенія“ („Вѣстникъ“ № 5—6 1934 года).

Дѣятельность Р. С. П. Единенія все время — въ теченіе его существованія постоянно освѣщалась на страницахъ того же органа. Последнее сообщеніе о планахъ работы Единенія на предстоящій учебный годъ было помѣщено въ Сентябрьскомъ № „Вѣстника“ за этотъ годъ.

II. Движеніе рѣшительно подтверждаетъ, что никакой „политической работы“, а тѣмъ болѣе „въ духѣ національнаго шовинизма“ ни оно, ни Единеніе никогда не вело. Не повинно ни оно, ни Единеніе и въ „руссификаторствѣ“.

„Национальный шовинизмъ“ — во всѣхъ его проявленіяхъ и формахъ всегда встрѣчалъ въ Движеніи рѣшительное осужденіе и противодѣйствіе. Въ проявленіяхъ націоналистическаго шовинизма Движеніе видитъ искаженіе идеи національности, обнаруженіе языческихъ началъ. И руководители, и рядовые члены Движенія не однократно заявляли объ этомъ и устно и письменно. (Проф. В. В. Зѣньковский „Национальный вопросъ въ свѣтѣ Христіанства“ („Вѣстникъ“ — № 4, 1934 г.) Проф. Г. П. Федотовъ „Национализмъ“ (Вѣстникъ № 5—6, 33 года). Постановленія совѣщанія руководителей работы съ юношествомъ („Вѣстникъ“ № 3, 1934 года и друг.). Позиція Движенія въ національномъ вопросѣ, отрицательное отношеніе ко всѣмъ проявленіямъ

національнаго шовинизма, призывъ къ религіозному пониманію смысла національнаго бытія, рѣшительное утвержденіе іерархическаго первенства религіознаго начала и въ національномъ вопросѣ на столько далеко отъ всякихъ „уклоновъ въ націоналистическій шовинизмъ“, что вызывали и вызываютъ со стороны части русской эмиграціи обвиненія Движенія „въ недостаточной выраженности національнаго момента“.

Идеологическія высказыванія Движенія и Р. П. С. Единенія въ Ригѣ не расходились съ практической работой.

„Руссификаторской“ работы ни Единеніе ни Движеніе не могли вести уже по тому одному, что ихъ дѣятельность протекаетъ среди русскихъ же.

Р. П. С. Единеніе, какъ и Движеніе, стремилось и стремится къ овладѣнію русской культурой, путемъ изученія ея и раскрытія ея духовныхъ богатствъ. Назвать это „руссификаторской работой“ можно только въ томъ случаѣ, если отрицать за русской молодежью право знакомиться съ собственной, родной культурой.

III. Движеніе, какъ Движеніе, какъ организациія, принципиально стояло и стоитъ на почвѣ отказа отъ какой бы то ни было политической работы, на почвѣ принципиальнаго аполитизма (последнее заявленіе объ этомъ „Вѣстникъ“ № 12, 33 года). За свой „аполитизмъ“ Движеніе подвергалось и подвергается обвиненіямъ въ „отсутствіи актив-

ности“, но Движеніе ни разу не сходило съ занятой имъ въ этомъ вопросѣ твердой и опредѣленной позиціи.

Р. П. С. Единеніе въ Ригѣ (совмѣстно съ Р. С. Х. Движеніемъ въ Эстоніи), желая быть особенно безупречнымъ и последовательнымъ въ данномъ отношеніи и навсегда избѣгать какихъ бы то ни было недоразумѣній и неясностей въ данномъ вопросѣ, внесло въ § 1 общаго устава федерациі „Р. С. Х. Движенія зарубежомъ“ специальное дополненіе — еще въ 1932 году,

„Движеніе, гласитъ это дополненіе, не преслѣдуетъ никакихъ политическихъ задачъ и не ведетъ никакой политической работы. Цѣль Движенія — чисто религіозная. Оно исповѣдуетъ себя православнымъ и считаетъ, что только въ лонѣ Православной Церкви можно почерпнуть силы для борьбы съ современнымъ матеріализмомъ и атеизмомъ“ („Вѣстникъ“ № 12, 1932 годъ).

IV. Утвержденіе, что „Парижская центральная организациія имѣетъ „военную окраску“ настолько расходится съ дѣйствительностью, что никакой освѣдомленный органъ печати не могъ бы это напечатать.

Подъ „Парижской центральной организацией“, газетное сообщеніе разумѣетъ, повидимому, такъ называемый „Малый Совѣтъ“ и „Центральный секретаріатъ“ Р. С. Х. „Движенія за рубежомъ“, какъ органъ федерациі Р. С. Х. Движеній.

Митрополитъ Евлогій, о. Протоіерей С. Булгаковъ, о. Протоіерей С. Четвериковъ, о. Протоіерей А. Калашниковъ, проф. В. В. Зѣньковскій, проф. Б. П. Вышеславцевъ, Н. А. Бердяевъ — таковъ составъ такъ называемаго „Малаго Совѣта“ Движенія.

О. Протоіерей С. Четвериковъ, свящ. о. Л. Липеровскій, свящ. о. В. Юрьевъ, монахиня м. Марія (Скобцова), проф. В. В. Зѣньковскій, проф. Л. А. Зандеръ, проф. Н. Н. Афанасьевъ, Д-ръ философіи Оксфордскаго Университета Н. М. Зерновъ, П. Ф. Андерсонъ Д-ръ медицины Е. С. Меньшикова, А. С. Четверикова, И. В. Окунева, С. М. Зернова, Л. И. Шибаева — таковъ составъ такъ называемаго „Центрального Секретаріата“.

Достаточно хотя бы не много знать названныхъ лицъ, чтобы рѣшительно сказать, что о „военной окраскѣ, Центральной Парижской организаціи“ не можетъ быть и рѣчи, что въ основѣ подобнаго утвержденія лежитъ явное недоразумѣніе, основанное на совершенномъ незнаніи дѣйствительнаго характера и духа организаціи, или на информации, настолько далекой отъ дѣйствительности, что подобное утвержденіе вызываетъ только чувство недоумѣнія.

V. Русское Студ. Движеніе за рубежомъ, протестуетъ противъ попытки приписать и Движенію и Р. П. С. Единенію въ Ригѣ „политическую работу“ путемъ различенія и смѣшенія политическаго смысла понятій „возстановленіе“ „великая, святая Россія“ — чуждаго Движенію и

Единенію — съ религиознымъ, исповѣдуемымъ Движеніемъ.

Сочетаніе такихъ понятій, какъ „единая“ и „святая“ „Россія“ (если слову „единая“ придать политическій смыслъ, что незаконно дѣлаетъ приводимое сообщеніе) уже въ самомъ себѣ заключаетъ противорѣчіе, ясное для всякаго религиознаго чловека, потому что представляетъ произвольное смѣшеніе двухъ областей политической и религиозной. Оно *совершенно искажаетъ* всю перспективу работы Движенія.

Особенно странно такое сочетаніе звучитъ въ примѣненіи къ характеристикѣ работы Движенія, все время рѣшительно настаивающаго на разграниченіи этихъ областей и всегда возстающаго противъ внесенія политики въ область религіи.

Въ *такомъ* сочетаніи („единая-святая“) Движеніе никогда не выражало своего отношенія къ проблемѣ Россіи.

Идея возрожденія святой Руси, о которой говорило и говоритъ Движеніе есть идея религиозно-духовнаго и религиозно-нравственнаго *пробужденія и обновленія* русскаго народа, преодоленія имъ лжи и безбожія и коммунизма, построенія всей жизни русскаго народа, всего культурнаго творчества на религиозной, церковно-православной основѣ. Эта идея далека отъ какихъ бы то ни было политическихъ „империалистическихъ“ мотивовъ.

Слѣдуетъ подчеркнуть, какъ сразу мѣняется весь смыслъ выраженія, когда вмѣсто термина „возстановленіе“ будетъ употре-

бленъ болѣе выражающій духъ идеи Движенія и болѣе привычный для Движенія терминъ „возрожденіе святой Руси“.

„Величіе“ Святой Руси Движеніе мыслило и мыслить, какъ величіе въ слѣдованіи Правдѣ Христовой, какъ полное и жертвенное раскрытіе силы Православной вѣры въ національномъ и социальномъ творествѣ русскаго народа, какъ строительство новой жизни и Православной культуры.

Этотъ идеаль имѣетъ совершенно иное содержаніе, чѣмъ то, которое хочетъ усмотрѣть въ немъ латвійское сообщеніе.

VI. Движеніе, какъ Движеніе, неоднократно утверждало, что „кто служитъ . . . государству, какъ государству, какъ олицетворенію силы, могущества, національнаго величія внѣ отношенія власти и государства къ принципамъ Правды Христовой, тотъ служитъ государству, распинающему Христа“ (Вѣстникъ № 9. 1934 года.)

Трудно болѣе четко и опредѣленно выразить не политической, а религиозно-этической смыслъ идеала Движенія.

VII. Движеніе подчеркиваетъ, что попытка политическаго истолкованія идеологии и фактической работы Движенія рѣзко противорѣчитъ всѣмъ высказываніямъ отвѣтственныхъ работниковъ и рядовыхъ членовъ Движенія (о С. Четвериковѣ „Послѣ съѣзда“ (Вѣстникъ № VIII—IX 1932 года); „Св. Русь“ Е. Бергманъ (Вѣст-

никъ № 6—7. 32 года) и другіе.)

VIII. Движеніе подчеркиваетъ, что самая идея Движенія, какъ идея цѣлостнаго религиознаго міровоззрѣнія и жизни, требуетъ отъ членовъ Движенія, являющихся гражданами того или иного Государства, религиозно-серьезнаго отношенія къ своимъ гражданскимъ обязанностямъ, воспитываетъ въ нихъ чувство особой религиозной отвѣтственности, связанной съ моментомъ подданства.

Обязанности по отношенію къ Россіи — по убѣжденію Движенія — различны въ зависимости отъ того, является ли данное Движеніе, объединяющимъ эмигрантовъ или гражданъ того или другого Государства. Въ частности — Движеніе въ Прибалтійскихъ государствахъ въ своей жизни и дѣятельности всегда и строго руководилось слѣдующей директивой: „Принадлежность большинства членовъ Движеній въ Эстоніи и Латвіи (какъ самостоятельныхъ самоуправляющихся организацій, входящихъ въ составъ федераціи Движеній („Р. С. Х. Движеніе зарубежомъ“) налагаетъ на членовъ Движеній нравственную обязанность строить свою работу такъ, чтобы она, отвѣчая обще-национальнымъ русскимъ задачамъ, въ то же время максимально служила нуждамъ того Государства, гражданами котораго являются члены даннаго Движенія“ („Вѣстникъ“ № 5—6. 1934 года). Р. П. С. Единеніе въ Ригѣ, какъ и все Движеніе въ

цѣломъ, объединяющее людей, живущихъ идеаломъ цѣлостной религіозной правды, и именно религіозно-серьезное отношеніе къ вопросу гражданства считаетъ единственно возможной нормой гражданской жизни и поведенія и не можетъ допустить двуличія или неправды въ этомъ существенномъ пунктѣ.

IX. Со всѣмъ сознаниемъ своей правоты Р. С. Х. Движеніе отвергаетъ и послѣдній пунктъ сообщенія, стремящійся представить всю вообще работу Движенія, какъ государственно-предосудительную не только по отношенію къ Латвійскому государству, но и по отношенію ко всѣмъ государствамъ прибалтійскихъ странъ.

Рус. Студ. Христ. Движеніе заявляетъ, что оно, какъ таковое, нигдѣ и ни разу, ни на территории прибалтійскихъ государствъ, ни на территории другихъ государствъ, не устроило ни одно нелегальное собраніе.

Подъ „собраниями гражданъ прибалтійскихъ государствъ“, которыя — будто бы „нелегально“ организовывались подъ руководствомъ Движенія, сообщеніе, очевидно, разумѣетъ съѣзды и конференціи, устраиваемые Движеніями.

Движеніе категорически утверждаетъ, что ни одинъ съѣздъ, ни одно собраніе, имѣвшее характеръ публичнаго, не были устроены безъ соотвѣтствующаго освѣдомленія властей и безъ полученія съ ихъ стороны разрѣшенія.

подавляющее большинство профессоровъ, принимавшихъ участие въ работѣ съѣздовъ и кон-

ференцій, нансенисты. Въ качествѣ таковыхъ, никто изъ нихъ фактически и не могъ нелегально проникнуть никуда безъ вѣдома и разрѣшенія властей.

Въ дѣятельности Р. П. С. Единенія, равно какъ и всего Движенія нѣтъ такихъ моментовъ, которые оно хотѣло бы скрыть отъ властей.

Х.Р.С.Х. Движеніе рѣшительно возражаетъ противъ попытки представить его, какъ какую-то конспиративную политическую организацію. Дѣятельность Движенія, вездѣ, гдѣ оно существуетъ, всегда протекаетъ въ рамкахъ законности и строгой лояльности, протекаетъ у всѣхъ на виду.

Движеніе, зная, что всѣ утвержденія сообщенія латышскихъ газетъ являются плодомъ печальнаго недоразумѣнія, будетъ стремиться всѣми законными способами къ возстановленію истины и возстановленію своего добраго имени и репутации.

„Русское Студ. Христіанское Движеніе за рубежомъ“ всѣми силами готово содѣйствовать Латвійскому Правительству въ его желаніи установить истину.

„Р. С. Х. Движеніе за рубежомъ“, если того пожелаетъ Правительство Латвіи, съ готовностью предоставитъ Ему возможность полностью и непосредственно ознакомиться съ всею дѣятельностью такъ назыв. „Парижской Центральной организаціи“ и непосредственно убѣдиться, что Движеніе стало жертвой неправильной, искажающей дѣятельности информаций.

Въ виду серьезности предъявляемыхъ обвиненій и вытекающихъ изъ нихъ послѣдствій „Р. С. Х. Движеніе за рубежомъ“ почтительно проситъ Правительство

Латвіи — чрезъ его полномочныхъ представителей въ Парижѣ — произвести такое обслѣдованіе возможно скорѣе и снять съ Движенія невѣрное обвиненіе.

Міровоззрѣніе въ краскахъ и линіяхъ *).

„Вопросъ о смыслѣ жизни, быть можетъ никогда не ставился болѣе рѣзко, чѣмъ въ настоящіе дни обнаженія мірового зла и безсмыслицы.

Въ теченіе вѣковъ въ мірѣ царствовалъ адъ — въ формѣ роковой необходимости смерти и убійства. Что же сдѣлалъ въ мірѣ человекъ — этотъ носитель надежды всей твари, свидѣтель иного высшаго замысла? Въмѣсто того, чтобы бороться противъ этой „державы смерти“, онъ изрекъ ей свое „аминь“.

И вотъ — адъ царствуетъ въ мірѣ съ одобренія и согласія человека — единственнаго существа, призваннаго противъ него бороться: онъ вооруженъ всѣми средствами техники. Народы живемъ глотаютъ другъ друга: народъ, вооруженный для всеобщаго истребленія — вотъ тотъ идеалъ, который періодически торжествуетъ въ исторіи. И всякій разъ его торжество возвѣ-

щается однимъ и тѣмъ же гимномъ въ честь побѣдителя — „кто подобенъ звѣрю сему“.

Если въ самомъ дѣлѣ вся жизнь природы и вся исторія человечества завершаются этимъ торжествующимъ прославленіемъ, какъ Божества, злого начала, то гдѣ же тотъ смыслъ жизни, ради котораго мы живемъ и ради котораго стоитъ жить?

Я воздержусь отъ собственнаго отвѣта на этотъ вопросъ. Я предпочитаю напомнить то его рѣшеніе, которое было высказано отдаленными нашими предками. То были не философы, а духовидцы. И мысли свои они выражали не въ словахъ, а въ краскахъ. И тѣмъ не менѣе ихъ живопись представляетъ прямой отвѣтъ на нашъ вопросъ. Ибо въ ихъ дни онъ ставился не менѣе рѣзко, чѣмъ теперь. Тотъ ужасъ войны, который мы воспринимаемъ такъ остро, для нихъ былъ зломъ хроническимъ. Объ „образѣ звѣриномъ“ въ ихъ времена напоминали безчисленныя орды, терзавшія Русь. Звѣриное царство и тогда приступало къ народамъ все съ тѣмъ же вѣковѣчнымъ искушеніемъ: „все сіе дамъ тебѣ, если поклонись мнѣ“.

*). „Вѣстникъ“ перепечатываетъ замѣчательную статью покойнаго проф. князя Е. Н. Трубецкого, что бы тѣмъ болѣе подчеркнуть изступленное варварство Сов. власти, постановившей уничтожить Страстную монашью — одинъ изъ памятниковъ „міровоззрѣнія въ краскахъ и линіяхъ“.

Все древне-русское искусство зародилось и выросло въ борьбѣ съ этимъ искушеніемъ. Въ отвѣтъ на него древне-русскіе иконописцы съ поразительной силой и ясностью воплотили въ образахъ и краскахъ то, что наполняло ихъ душу — видѣніе иной жизненной правды и иного смысла міра.

Сущность той жизненной правды, которая противопоставляется древне-русскимъ искусствомъ образу звѣриному, находитъ себѣ исчерпывающее выраженіе не въ томъ или иномъ живописномъ изображеніи, а въ древне-русскомъ храмѣ въ его цѣломъ. Здѣсь — именно храмъ понимается какъ то начало, которое должно господствовать въ мірѣ. Сама вселенная должна стать храмомъ Божиимъ. Въ храмъ должно войти все человѣчество, ангелы, и вся низшая тварь. Именно въ этой идеѣ мірообъемлительнаго храма заключается та религиозная надежда на грядущее умиротвореніе всей твари, которая противопоставляется факту всеобщей войны и всеобщей кровавой смуты.

Византійскій куполь надъ храмомъ изображаетъ собой сводъ небесный, покрывшій землю. Напротивъ, готическій шпиль выражаетъ собой неудержимое стремленіе ввысь, подьмлющее отъ земли къ небу каменная громада.

И наконецъ русская „луковица“ воплощаетъ въ себѣ идею глубокаго молитвеннаго горѣнія небесами, черезъ которое нашъ земной міръ становится причастнымъ потустороннему богатству. Это завершеніе русскаго

храма — какъ бы огненный языкъ, увѣнчанный крестомъ и къ кресту заостряющійся. При взглядѣ на Московскій Иванъ-Великій кажется, что мы имѣемъ предъ собой какъ бы гигантскую свѣчу, горящую къ небу надъ Москвой, а многоглавые кремлевскіе соборы и многоглавыя церкви суть какъ бы огромные многосвѣщники. Сущность этого религиозно-эстетическаго переживанія прекрасно передается народнымъ выраженіемъ — „жаромъ горять“ — въ примѣненіи къ церковнымъ главамъ.

Черезъ это, видимое снаружи горѣніе, небо спускается на землю, проводится внутрь храма, и становится здѣсь (въ куполѣ) тѣмъ его завершеніемъ, гдѣ все земное покрывается рукою Всевышняго, благословляющей изъ темно-синяго свода. И эта рука, побѣждающая мірскую рознь, все приводящая къ единству соборнаго цѣлага, держитъ въ себѣ судьбы людскія.

Мысль эта нашла замѣчательное образное выраженіе въ древнемъ новгородскомъ храмѣ св. Софіи (XI в.). Тамъ не удалась многократная попытка живописцевъ изобразить благословляющую десницу Спаса въ главномъ куполѣ: вопреки ихъ стараніямъ, получалась рука, зажатая въ кулакъ; по преданію, работы были остановлены голосомъ съ неба, который запретилъ исправлять изображеніе и возвѣстилъ, что въ рукѣ Спасителя зажать самъ градъ Великій Новгородъ: когда разожметъ рука — погибнуть граду тому.

Замѣчательный вариантъ той же темы можно видѣть въ Успе-

скомъ соборѣ во Владимірѣ на Клязьмѣ: тамъ на древней фрескѣ¹⁾, писанной знаменитымъ Рублевымъ, есть изображеніе „праведницы въ руцѣ Божіи“ — множество святыхъ въ вѣнцахъ зажаты въ могучей рукѣ на вершинѣ небеснаго свода; и къ этой рукѣ со всѣхъ концовъ стремятся сонмы праведниковъ, созываемые трубою ангеловъ, трубящихъ кверху и книзу.

Такъ утверждаетъ въ храмѣ то внутреннее соборное объединеніе, которое должно побѣдить хаотическое раздѣленіе и вражду міра и человѣчества. Соборъ всей твари, какъ грядущій міръ вселенной, объемлющій и ангеловъ, и человѣковъ, и всякое дыханіе земное — такова основная храмовая идея нашего древняго религиознаго искусства, господствовавшая и въ древней нашей архитектурѣ, и въ живописи, такова та основная тема, которой въ древне-русской живописи все подчиняется.

Нѣтъ сомнѣній, что древнерусская иконопись выражаетъ собою глубочайшее, что есть въ древне-русской культурѣ; болѣе того — мы имѣемъ въ ней одно изъ величайшихъ міровыхъ сокровищъ религиознаго искусства. И однако, до самого послѣдняго времени икона была совершенно не понятна русскому образованному человѣку. Онъ равнодушно проходилъ мимо нея, не удостаивая ея даже мимолетнаго вниманія. Онъ — просто

1) Фресковая живопись — живопись водяными красками по сырой еще отъ штукатурки стѣнѣ. Когда штукатурка затвердѣваетъ, фреска какъ бы впивается въ стѣну.

на просто — не отличала иконы отъ густо покрывшей ее копоти старины. Только въ самые послѣдніе годы (передъ войной 1914 г.) у насъ открылись глаза на необычайную красоту и яркость красокъ, скрывавшихся подъ этой копотью. Только теперь, благодаря изумительнымъ успѣхамъ современной техники очистки, мы увидѣли эти краски отдаленныхъ вѣковъ, и мифъ о „темной иконѣ“ разлетѣлся окончательно. Оказывается, что лики святыхъ въ нашихъ древнихъ храмахъ потемнѣли единственно потому, что они стали намъ чужими; копоть на нихъ наростала частью вслѣдствіе нашего невниманія и равнодушія къ сохраненію святыни, частью вслѣдствіе нашего неумѣнія хранить эти памятники старины.

Съ этимъ нашимъ незнаніемъ красокъ древней нашей иконописи до сихъ поръ связывалось и полнѣйшее непониманіе ея духа. Ея господствующая тенденція односторонне характеризовалась неопредѣленнымъ выраженіемъ „аскетизмъ“ и въ качествѣ „аскетической“ отбрасывалась, какъ отжившая ветошь. А рядомъ съ этимъ оставалось непонятнымъ самое существенное и важное, что есть въ русской иконѣ — та несравненная радость, которую она возвѣщаетъ міру. Теперь, когда русская икона оказалась однимъ изъ самыхъ красочныхъ созданий живописи всѣхъ вѣковъ, намъ часто приходится слышать объ изумительной ея жизнерадостности. Съ другой стороны — вслѣдствіе невозможности отвергать

присущаго ей аскетизма, мы стоимъ передъ одной изъ самыхъ интересныхъ загадокъ, какія когда либо ставились предъ, художественною критикою.

Какъ совмѣстить этотъ аскетизмъ съ этими необычайно живыми красками? Въ чемъ заключается тайна этого сочетанія высшей скорби и высшей радости? Понять эту тайну — значитъ — отвѣтить на вопросъ, какое пониманіе смысла жизни воплотилось въ нашей древне-русской живописи. Безъ всякаго сомнѣнія, мы имѣемъ здѣсь двѣ тѣсно между собою связанныя стороны одной и той же религиозной идеи: вѣдь, нѣтъ Пасхи безъ Страстной седмицы, и къ радости всеобщаго воскресенія нельзя пройти мимо животворящаго Креста Господня. Поэтому въ нашей живописи мотивы радостные и скорбные — аскетическіе, совершенно одинаково необходимы, хотя, слѣдуетъ все время помнить, что этотъ скорбно-аскетическій моментъ нашей иконописи имѣетъ лишь подчиненное и при томъ — подготовительное значеніе. Важнѣйшее въ ней, конечно, радость окончательной побѣды Богочеловѣка надъ звѣрчеловѣкомъ, введеніе во храмъ всего человечества и всей твари: но къ этой радости человѣкъ долженъ быть подготовленъ подвигомъ: онъ не можетъ войти въ составъ Божіяго храма такимъ, какимъ онъ есть.

Поверхностному наблюдателю аскетическіе лики могутъ показаться безжизненными, окончательно изсохшими. На самомъ дѣлѣ въ нихъ съ несравненной

силой просвѣчиваетъ выраженіе духовной жизни, и это — не смотря на необычайную строгость традиціонныхъ, условныхъ формъ, ограничивающихъ свободу иконописца. Казалось бы, въ этой живописи не какія либо несущественныя штрихи, а именно существенныя черты предусмотрѣны и освящены вѣковыми правилами, канонами иконописи: и положеніе туловища святого, и взаимоотношеніе его крестна-крестъ сложенныхъ рукъ, и сложеніе его благословляющихъ пальцевъ; движеніе стѣснено до крайности, исключено все то, что могло бы сдѣлать Спасителя и святыхъ похожими „на таковыхъ же, каковы и мы сами“. Даже тамъ, гдѣ движеніе допущено, оно введено въ какія то неподвижныя рамки, которыми оно словно сковано. Но даже тамъ, гдѣ оно совсѣмъ отсутствуетъ, во власти иконописца всетаки остается взглядъ святого, выраженіе его глазъ, т. е., то самое, что составляетъ высшее средоточіе духовной жизни человечческаго лица. И именно здѣсь сказывается во всей своей выразительной силѣ то высшее творчество религиознаго искусства, которое низводитъ огонь съ неба и освѣщаетъ имъ изнутри весь человѣческій обликъ, какимъ бы неподвижнымъ онъ не казался.

... Въ Рублевской фрескѣ въ Успенскомъ соборѣ во Владимирѣ на Клязьмѣ (тема — „Праведницы въ руцѣ Божіей“) необычайно сосредоточенная сила надежды передается исключительно движеніемъ глазъ, устремленныхъ впередъ. Крестообразно

сложенные руки праведныхъ совершенно неподвижны, такъ же, какъ и ноги, и туловище. Ихъ шествіе въ рай выражается исключительно ихъ глазами, въ которыхъ не чувствуется истерическаго восторга, а есть глубокое внутреннее горѣніе и спокойная увѣренность въ достиженіи цѣли, но именно этой то кажущейся физической неподвижностью и передается *необычайное напряженіе и мощь* неуклонно совершающагося *духовнаго подъема*: чѣмъ неподвижнѣе тѣло, тѣмъ сильнѣе и яснѣе воспринимается тутъ движеніе духа, ибо міръ тѣлесный становится его прозрачной оболочкой. И именно въ томъ, что духовная жизнь передается одними глазами совершенно неподвижнаго облика — символически выражается необычайная власть духа надъ тѣломъ. Получается впечатлѣніе, что точно вся тѣлесная жизнь замерла въ ожиданіи высшаго откровенія, къ которому она прислушивается. И иначе его услышать нельзя: нужно, чтобы сначала прозвучалъ призывъ: „да молчитъ всякая плоть человѣческая“. И только когда этотъ призывъ доходить до слуха — человѣческій обликъ одухотворяется — у него отверзаются очи. Они не *только открыты* для другого міра, но и *отверзаютъ* его другимъ: именно это сочетаніе совершенной неподвижности тѣла и духовнаго смысла очей, часто повторяющееся въ высшихъ созданіяхъ нашей иконописи, производитъ потрясающее впечатлѣніе.

Ошибочно было бы думать, однако, что неподвижность въ

древнихъ иконахъ составляетъ свойство всего человѣческаго: въ нашей иконописи она усвоена не человѣческому облику вообще, а только опредѣленнымъ его состояніямъ: онъ неподвиженъ, когда онъ преисполняется сверхчеловѣческимъ, Божественнымъ содержаніемъ, когда онъ такъ или иначе вводится въ неподвижный покой Божественной жизни. Наоборотъ, человѣкъ въ состояніи безблагодатномъ или доблагодатномъ, еще не „успокоившійся въ Богѣ“ или просто недостигшій цѣли своего жизненнаго пути, часто изображается на иконахъ чрезвычайно подвижнымъ... Неподвижность въ иконахъ усвоена лишь тѣмъ изображеніямъ, гдѣ не только плоть, но и самое естество человѣческое приведено къ молчанію, гдѣ оно живетъ уже не собственной, а надчеловѣческой жизнью. Только сознанию безрелигиозному или поверхностному древне-русская икона можетъ показаться безжизненною. Извѣстная холодность и отвлеченность есть, пожалуй, въ иконѣ древне-греческой. Но какъ разъ въ этомъ отношеніи древне-русская иконопись представляетъ полную противоположность греческой.

Говоря объ аскетизмѣ русской иконы, невозможно умолчать и о другой ея чертѣ, органически связанной съ аскетизмомъ. Икона въ ея идеѣ составляетъ неразрывное цѣлое съ храмомъ и потому подчинена его архитектурному замыслу. Отсюда — изумительная архитектурность нашей живописи: подчиненіе архитектурной формѣ

чувствуется не только въ храмовомъ цѣломъ, но и въ каждомъ отдѣльномъ иконописномъ изображеніи.

Эта черта, болѣе, чѣмъ какая либо другая, углубляетъ пропасть между древней иконописью и живописью реалистической. Мы видимъ передъ собой, въ соответствии съ архитектурными линиями храма, человѣчскія фигуры иногда черезчуръ прямолинейныя, иногда, напротивъ, неестественно изогнутыя, соответственно линиямъ свода; подчиняясь стремленію вверхъ высокаго и узкаго иконостаса, эти образы иногда чрезмѣрно удлиняются, голова получается непропорціонально маленькая, по сравненію съ туловищемъ, послѣднее становится неестественно узенькимъ въ плечахъ, чѣмъ подчеркивается аскетическая истонченность всего облика.

Быть можетъ, еще труднѣе неопытному глазу привыкнуть къ необычайной симметричности этихъ живописныхъ линий. Не только въ храмахъ но и въ отдѣльныхъ иконахъ, гдѣ группируются многіе святые, есть нѣкоторый архитектурный центръ, который совпадаетъ съ центромъ идейнымъ. И вокругъ этого центра, — непременно въ одинаковомъ количествѣ и часто въ одинаковыхъ позахъ, — стоятъ съ обѣихъ сторонъ святые. Симметрия — строгая соразмѣренность, — тутъ выражаетъ собою не болѣе и не менѣе, какъ утвержденіе соборнаго единства въ человѣкахъ и ангелахъ: ихъ индивидуальная жизнь подчиняется общему соборному плану.

Этимъ объясняется, впрочемъ, не одна симметричность иконъ. Подчиненіе живописи архитектурѣ вообще обуславливается здѣсь не какими либо посторонними и случайными соображеніями архитектурнаго удобства. Архитектурность иконы выражаетъ одну изъ существенныхъ и центральныхъ ея мыслей. Въ ней мы имѣемъ живопись по существу соборную; въ томъ господствѣ архитектурныхъ линий надъ человѣческимъ обликомъ, которое въ ней замѣчается, выражается подчиненіе человѣка идеѣ собора, преобладаніе вселенскаго надъ индивидуальнымъ. Здѣсь человѣкъ перестаетъ быть самодовлѣющей личностью и подчиняется общей архитектурѣ цѣлаго. Въ иконописи мы видимъ изображение грядущаго храмоваго или соборнаго человѣчества.

* * *

Отъ „скорби“ иконы мы теперь перейдемъ къ ея „радости“: послѣдняя можетъ быть понята только въ связи съ первой.

Шопенгауэру принадлежитъ замѣчательно вѣрное изреченіе, что къ великимъ произведеніямъ искусства нужно относиться, какъ къ высочайшимъ особамъ. Было бы дерзостью, если бы мы первы е съ ними заговорили; вмѣсто того, нужно почтительно стоять передъ ними и ждать, пока они *сами* удостоятъ насъ съ нами заговорить. По отношенію къ иконѣ это изреченіе сугубо вѣрно именно потому, что икона больше, чѣмъ произведеніе искусства. Ждать, чтобы она съ нами заговорила приходится долго, въ

особенности въ виду того огромнаго разстоянія, какое насъ отъ нея отдѣляетъ. А когда она заговорить, она возвѣститъ намъ высшую радость — сверхбіологическій смыслъ жизни и конецъ звѣриному царству. Радость эта выражается нашимъ религіознымъ искусствомъ не въ словахъ, а въ неподражаемыхъ красочныхъ видѣніяхъ. Изъ нихъ наиболѣе яркое и радостное — то самое, въ которомъ раскрывается во всей своей полнотѣ новое жизнепониманіе, идущее на смѣну звѣропоклонству — видѣніе мірообъемлющаго храма. Здѣсь самая скорбь претворяется въ радость. Какъ уже было сказано раньше въ иконописи человѣчскій образъ какъ бы приноситъ себя въ жертву архитектурнымъ линиямъ. И вотъ мы видимъ, какъ храмовая архитектура, которая уноситъ человѣка подъ небеса, оправдываетъ эту жертву.

Быть можетъ во всей нашей живописи нѣтъ болѣе яркаго олицетворенія аскетической идеи, нежели ликъ Іоанна Крестителя. А между тѣмъ именно съ именемъ этого святого связанъ одинъ изъ самыхъ жизнерадостныхъ памятниковъ нашей религіозной архитектуры — храмъ св. Іоанна Предтечи въ Ярославлѣ. И именно здѣсь всего легче прослѣдить, какъ скорбь и радость соединяются въ одно храмовое и органическое цѣлое.

Соединеніе этихъ двухъ мотивовъ выражается въ самомъ изображеніи святого. Съ одной стороны, какъ Предтеча Христовъ, онъ олицетворяетъ собою идею отреченія отъ міра: онъ гото-

вить людей къ воспріятію новаго смысла жизни проповѣдью покаянія, поста и всяческаго воздержанія; эта мысль передается въ его изображеніи его истонченнымъ ликомъ съ его естественно истонченными руками и ногами. Съ другой стороны — именно въ этомъ изуреніи плоти онъ находитъ въ себѣ силу для радостнаго духовнаго подъема: въ иконѣ это выражается его прекрасными могучими крыльями. И именно этотъ подъемъ къ высшей радости изображается всей архитектурой храма Іоанна Предтечи въ Ярославлѣ, его пестрыми изразцами, красочными узорами его причудливыхъ орнаментовъ, съ фантастическими прекрасными цвѣтами. Цвѣты эти обвиваютъ наружныя колонны зданія и уносятся кверху, къ его горящимъ золотымъ чешуйчатымъ луковичамъ. То же сочетаніе аскетизма и невѣроятной, не здѣшной ей радуги красокъ мы находимъ и въ московскомъ храмѣ Василия Блаженнаго. Это — въ сущности та же мысль о блаженствѣ, которое вырастаетъ изъ страданій, о новой храмовой архитектурѣ вселенной, которая, возносясь надъ скорбью людскою, все уноситъ кверху, вьется къ куполамъ, а по пути — расцвѣтаетъ райскою растительностью. Эта архитектура есть вмѣстѣ съ тѣмъ и проповѣдь: она возвѣщаетъ собой тотъ новый жизненный стиль, который долженъ притти на смѣну звѣриному: она представляетъ собой положительную, идейную противоположность тому биологизму, который утверждаетъ свое безгра-

ничное господство надъ низшей природой и надъ человѣкомъ. Она выражаетъ собой тотъ новый міровой порядокъ и ладъ, гдѣ прекращается кровавая борьба за существованіе, и вся тварь съ человѣчествомъ во главѣ собирается въ храмъ.

Мысль эта развивается во множествѣ архитектурныхъ и живописныхъ изображеній (на темы „Всякое дыханіе да хвалитъ Господа“ и т. п.), которыя не оставляютъ сомнѣній, что древне-русскій храмъ въ идеѣ является собой соборъ не только святыхъ и ангеловъ, но соборъ всей твари.

Во всѣхъ этихъ иконахъ тотъ архитектурный замыселъ, которому подчиняется вся тварь, неизмѣнно изображается въ видѣ храма — собора: къ нему стремятся ангелы, въ немъ собираются святые, вокругъ него вьется райская растительность, а у подножья его или вокругъ него толпятся животныя. Мы подошли къ центральной идеѣ всей древне-русской иконописи. Мы видѣли, что въ этой иконописи всякая тварь въ своей отдѣльности — человѣкъ, ангелъ, міръ животный и міръ растительный подчиняется общему архитектурному замыслу: мы имѣемъ здѣсь тварь соборную или храмовую. Но въ храмѣ объединяютъ не стѣны и не архитектурныя линіи: храмъ не есть внѣшнее единство общаго порядка, а живое цѣлое, собранное во едино Духомъ любви. Единство всей этой храмовой архитектуры дается новымъ жизненнымъ центромъ, вокругъ котораго собирается вся тварь. Тварь становится здѣсь сама храмомъ Божиимъ, потому что она соби-

рается вокругъ Христа и Пресвятой Богородицы, становясь тѣмъ самымъ жилищемъ Святаго Духа. Образъ Христа и есть то самое, что сообщаетъ всей этой живописи и архитектурѣ ея жизненный смыслъ, потому что соборъ всей твари собирается во имя Христа и представляетъ собою именно внутренне объединенное царство Христово. въ противоположность раздѣлившемуся и распавшемуся царству „царя космоса“. Царство это собрано въ одно живымъ общеніемъ тѣла и крови. И вотъ почему олицетвореніе этого общенія — изображеніе евхаристіи, такъ часто занимаетъ центральное мѣсто въ алтаряхъ древнихъ храмовъ.

Но если во Христѣ-Богочеловѣкѣ наша иконопись чтитъ и изображаетъ тотъ новый жизненный смыслъ, который долженъ наполнить все, то въ образѣ Богоматери — Царицы Небесной, скорой помощницы и заступницы, она олицетворяетъ то любящее материнское сердце, которое чрезъ внутреннее горѣніе въ Богѣ становится въ актѣ Богорожденія сердцемъ вселенной.

Именно тутъ идея мірообъемлющаго храма раскрывается во всей полнотѣ своего жизненнаго смысла; мы видимъ предъ собой не холодныя и безразличныя стѣны, не внѣшнюю архитектурную форму, которая все въ себѣ объемлетъ, а храмъ, одухотворенный, собранный любовью. Въ этомъ заключается подлинный и полный отвѣтъ нашей иконописи на вѣковѣчное искушеніе звѣрнаго царства. Міръ не есть хаосъ — и міровой порядокъ не есть не-

скончаемая кровавая смута. Есть любящее сердце матери, которое должно собрать вокругъ себя все-ленную.

Въ томъ же значеніи архитектурнаго центра и центрального свѣтила является на множествѣ древнихъ иконъ Софія-Премудрость Божія. Но въ смыслѣ чисто иконописномъ, художественномъ иконы богородичныя гораздо полнѣе, красочнѣе и совершеннѣе. Оно и понятно: икона св. Софіи Премудрости Божией, выражаетъ собою еще не раскрытую тайну замысла Божія о твари. А Богоматерь, собравшая міръ вокругъ Предвѣчнаго Младенца, олицетворяетъ собою осуществленіе и раскрытіе того же самого замысла. Именно эту соборную, собранную воедино вселенную замыслилъ Богъ въ Своей Премудрости: именно ее Онъ хотѣлъ; и именно ею должно быть побѣждено хаотическое царство смерти.

Вопросъ о смыслѣ жизни, будучи по существу однимъ и тѣмъ же во всѣ вѣка, съ особенной рѣзкостью ставится именно въ тѣ

дни, когда обнажается до дна безсмысленная суета и нестерпимая мука нашей жизни.

Вся русская иконопись представляетъ собой отвѣтъ на эту безпредѣльную скорбь существованія — ту самую, которая выразилась въ евангельскихъ словахъ: „душа моя скорбитъ смертельно“.

Достоевскій сказалъ „красота спасетъ міръ“. Развивая ту же мысль, Соловьевъ возвѣстилъ идеаль „теургическаго искусства“. ¹⁾ Когда слова эти были сказаны, Россія еще не знала, какими художественными сокровищами она обладаетъ. Теургическое искусство у насъ уже было. Наши иконописцы видѣли эту красоту, которою спасается міръ, и увѣковѣчили ее въ краскахъ. И самая мысль о цѣлящей силѣ красоты давно уже живетъ въ идеѣ явленной и чудотворной иконы.

Кн. Е. Н. Трубецкой.
(„Бюллетени литературы и жизни“
№ 14. 1916 год.)

¹⁾ Т. е. идеаль искусства, служащаго Божественной, преображающей и спасающей, красотѣ.

Пути сближенія между Православной и Англиканской церквами.

(Окончаніе).

Съ 1927 г. начали созываться въ Англии Англо-Русскіе богословскіе съезды, организуемые Британскимъ и Русскимъ Студенческими Христіанскими Движеніями.

На нихъ православная и англиканская молодежь подъ руководствомъ своихъ епископовъ, духовенства и профессоровъ, встречаясь другъ съ другомъ, знако-

мится съ современной жизнью этихъ двухъ церквей. Темы съѣздовъ затрагиваютъ вопросы христіанской нравственности, вопросы отношенія церкви къ государству, къ націи, къ обществу. Основной особенностью этихъ съѣздовъ остается ихъ литургическій характеръ: работа каждаго дня начинается или православной литургіей или Англиканской мессою. Такимъ образомъ, участники съѣздовъ встрѣчаются другъ съ другомъ не только на почвѣ богословскихъ разсужденій, но и въ совмѣстной молитвѣ.

На этихъ съѣздахъ обнаружилось, насколько, дѣйствительно, близки другъ къ другу англикане и православные. Это единство оказалось такимъ подлиннымъ, что при первой же непосредственной встрѣчѣ сами собой пали тѣ стѣны непониманія и взаимныхъ подозрѣній, которыя выросли за столѣтія раздѣльнаго существованія христіанскаго Запада и Востока.

На почвѣ духовнаго единства, осознаннаго на съѣздахъ, выросло Содружество имени Св. Муч. Албанія и Преподобнаго Сергія Радонежскаго. Оно состоитъ изъ бывшихъ участниковъ съѣздовъ, желающихъ продолжать работу, начатую на съѣздахъ. Несмотря на свою сравнительную немногочисленность, (содружество насчитываетъ всего около 400 членовъ, главнымъ образомъ, молодыхъ англиканскихъ священниковъ), оно развиваетъ большую дѣятельность. Напримѣръ, въ теченіи 1933 г. участниками содружества была осуществлена слѣдующая программа. Въ Парижѣ и въ Англии регулярно работали кружки по

изученію Православія и Англиканства; была организована лекціонная поѣздка проф. о. Г. Флоровскаго по Англии; во время которой о. Флоровскій прочелъ краткій курсъ Православной Догматики въ 5 англиканскихъ богословскихъ колледжахъ (это первый случай участія православнаго богослова въ подготовкѣ англиканскихъ кандидатовъ къ священству). Д-ръ Н. Зерновъ посѣтилъ 33 богословскихъ колледжа, гдѣ читалъ лекціи о православной церковной жизни. Кромѣ того, онъ же выступалъ и на 32 другихъ собраніяхъ на тѣ же темы въ различныхъ городахъ Англии. 7 православныхъ студентовъ богослововъ были устроены на разные сроки въ богословскихъ колледжахъ въ Англии. Англійскіе члены Содружества, въ свою очередь, посѣтили Парижъ, двое изъ нихъ пріѣзжали въ Болгарію, гдѣ были гостями проф. Цанкова и господина Г. Латинова, секретаря болгарскаго Студенческаго Движенія. Кромѣ того, Содружество издаетъ журналъ и печатаетъ книги и отдѣльные статьи по вопросамъ о соединеніи церквей.

Эта работа оказалась возможной благодаря подлинному духу единства, который былъ обрѣтенъ англиканскими и православными членами Содружества. Они на опытѣ пережили свое духовное родство и потому готовы теперь работать, не покладая рукъ, для осуществленія великаго дѣла церковнаго единства между Востокомъ и Западомъ.

Опытъ Содружества является чрезвычайно показательнымъ. Онъ свидѣтельствуетъ, что почва для сближенія между восточнымъ пра-

вославіемъ и западнымъ, не римскимъ католицизмомъ существуетъ, и осуществленіе единства нынѣ зависитъ главнымъ образомъ отъ стремленія обѣихъ сторонъ къ тому, чтобы побѣдить инерцію раздѣльнаго существованія, которая такъ глубоко проникла въ жизнь обѣихъ церквей. Главнымъ препятствіемъ, стоящимъ на пути къ соединенію, по прежнему остается незнаніе другъ друга. Какъ только оно будетъ преодолено, станетъ возможнымъ то общеніе въ таинствахъ между Восточнымъ Православіемъ и Западнымъ, не римскимъ, Католицизмомъ, о которомъ писалъ большой знатокъ англиканства, проф. Комненосъ.

Въ связи съ этой задачей особеннаго вниманія заслуживаетъ возникшій въ средѣ Англо-Православнаго Содружества проектъ созданія спеціальнаго богословскаго колледжа въ Англии, гдѣ бы молодые богословы, принадлежащіе ко различнымъ помѣстнымъ православнымъ церквамъ, могли бы жить и учиться вмѣстѣ съ англиканами. Этотъ же колледжъ явился бы также и постояннымъ центромъ освѣдомленія широкихъ круговъ клира и мірянъ обѣ англиканской и православной церковной жизни путемъ устройства съѣздовъ, паломничества, обмѣна лекторами и студентами, а также печатной пропаганды.

Наличіе въ этомъ колледжѣ представителей всѣхъ автокефальныхъ православныхъ церквей дало бы возможность привлечь къ участию въ работѣ по сближенію и тѣ церкви, которыя до сихъ поръ мало соприкасались съ ней. Осуществленіе этого плана зависитъ отъ признанія православными и англиканскими іерархами важности задачи объединенія Вост. и Западныхъ христіанъ въ лонѣ Вселенской Церкви. Осуществленіе этой задачи существенно облегчитъ рядовымъ членамъ церкви тяжелую борьбу противъ современныхъ антихристіанскихъ силъ, которую они сейчасъ принуждены вести въ разобщеніи, неся при этомъ на себѣ тяжесть сознанія нарушеннаго единства Церкви.

Современный міръ, раздробленный и истерзанный злобой, фанатизмомъ и невѣжествомъ, жаждетъ христіанскаго благовѣстія, и оно можетъ быть обращено къ нему съ силой и властью только отъ лица единой Христіанской Церкви, которая не будетъ называться ни Римской, ни Протестантской, ни западной, ни восточной, но объединитъ всѣхъ христіанъ, исповѣдающихъ вѣру въ Единую, Святую, Соборную и Апостольскую Церковь и готовыхъ отдать на служеніе ей свою жизнь и свои силы.

Н. Зерновъ

Д-ръ Философіи Оксфордскаго Университета.

Вѣстникъ проситъ каждаго читателя

содѣйствовать успѣху журнала.

Совѣтская жизнь.

„Соціалистическій городокъ“.

„Магнитогорскъ“ — (на Уралѣ) центръ „новаго промышленнаго комбината“, „новая столица металлургической промышленности“, Магнитогорскъ — цѣликомъ дѣтище „новаго соціалистическаго строительства“. По планамъ и предположеніямъ — онъ долженъ быть образцовымъ рабочимъ городкомъ, далеко оставляющимъ за собой всѣ „достиженія“ капиталистическаго міра.

Сейчасъ — „чудо мечты“ достаточно отстроилось для того, чтобы имѣть представленіе о томъ, какъ велико разстояніе между „планированіемъ“ и „осуществленіемъ“.

„Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, сообщаетъ корреспондентъ „Ком. Правды“ — у входа въ центральную гостиницу Магнитогорска появился первый въ городѣ почтовый ящикъ. На немъ, какъ ни въ чемъ ни бывало, значилось „Ближайшее почтовое отдѣленіе — Москва, Мясницкая 26“.

Затѣмъ у подножія легендарной горы Атачь — этой рудной сокровищницы Урало-Кузбасса¹⁾ выросъ Магнитострой... Сего-

1) Куз-бассъ — Кузнецкій каменноугольный бассейнъ — въ Сибири: „Пятилѣтка“ выдвинула „грандіозный проектъ“ — соединить Кузнецкій бассейнъ (мѣсторожд. угля) съ Магнитной горой на Уралѣ (мѣсторожд. чистаго желѣза) желѣзнодорожнымъ путемъ (на разстояніи нѣсколькихъ тысячъ верстъ) и создать „грандіоз. комбинатъ“. Начинаніе осуществилось, но выяснилось, что благодаря накладнымъ расходамъ, связаннымъ съ доставкой угля изъ Кузбасса тонна желѣза, выработанная комбинатомъ, обходится почти вдвое дороже противъ обычнаго.

дняшній Магнитогорскъ населяютъ 240 т. жителей...

Сейчасъ — Вы не увидите больше на почтовыхъ ящикахъ адреса московскаго почтоваго отдѣленія. Однако вы не найдете и точнаго адреса Магнитогорской почты. Точный адресъ — здѣсь понятіе очень приближенное.

Цѣлые рабочіе поселки тщетно ждуть какого нибудь наименованія. Мы идемъ по безымянной улицѣ соціалистическаго городка, и цифровая неразбериха шагаетъ съ нами бокъ о бокъ.

Вотъ перечень бараконъ, расположенныхъ рядомъ другъ съ другомъ: №№ 104, 89, 105, 107, 3 и т. д. Не улица, а какое то уравненіе со многими неизвѣстными.

Однако — этой безхозяйственности дѣло не ограничивается. На улицѣ 5-го участка имѣются три дома № 3, на I участкѣ — два дома № 14.

44.240 писемъ не было вручено почтой адресатамъ за первые четыре мѣсяца текущаго года. 15.480 корреспонденцій, заблудившихся еще въ прошломъ году, было сожжено 28 марта почтовиками.

Весь Магнитогорскъ можно открыть однимъ стандартнымъ ключемъ. Всѣ ключи въ соціалистическомъ городѣ одинаковы. Этимъ удобствомъ не преминули воспользоваться воры. Въ корпусѣ № 30 молодыхъ специалистовъ нѣтъ почти ни одной не обкраденной комнаты. Комнаты доменщиковъ-специалистовъ Ильичева,

Бабушкина, Немытова, Ковалева обкрадывались по два и по три раза.

Между тѣмъ — купить новый замокъ въ Магниткѣ — невозможно.

Не всегда металлургъ, пришедшій съ работы въ грязной „спецовкѣ“, (спец. одежда — рабочая одежда) находить дома воду. Почти всегда нѣтъ воды въ квартирахъ верхнихъ этажей.

Нѣсколько мѣсяцевъ назадъ городъ въ теченіе 12 дней подрядъ не могъ утолить своей жажды — воды не было. Потомъ выяснилось, что перебои въ подачѣ воды были вызваны всего лишь неисправностью трансформатора въ насосной № 10.

Перебои въ снабженіи города водой не представляли бы такого событія, если бы во всѣхъ горячихъ (ведущихъ обработку металла огнемъ) цехахъ комбината работали души.

Исполнскій заводъ, построенный по послѣднему слову техники, не обзавелся еще душами и раздѣвалками.

Въ доменномъ цехѣ работаетъ только душъ для горныхъ и дежурныхъ слесарей. Доменщицамъ вымыться въ цехѣ вообще не возможно. Женскаго душа нѣтъ. Въ коксовомъ цехѣ изъ 500 рабочихъ въ смѣну могутъ одновременно мыться 5 человекъ.

Металлурги принуждены въ выпачканныхъ сажахъ и копотью спецовкахъ отправляться изъ цеха домой безъ твердой увѣренности застать тамъ воду. Рабочіе идутъ черезъ заводъ къ автобусной остановкѣ... Тропинка идетъ черезъ желѣзно-дорожныя насыпи, глубокія рывины, крутые

подъемы... Чтобы попасть къ автобусной остановкѣ — надо пересѣчь 34 желѣзно-дорож. пути. Но ни одинъ фонарь не свѣтитъ на этой „сильно-пересѣченной мѣстности“.

Тропинка приводитъ къ красно-асфальтированному шоссе. Новенькіе, ослѣпляющіе голубизной автобусы поддерживаютъ сообщеніе съ соціалистическимъ городомъ.

Поѣхать въ автобусѣ въ бѣломъ платьѣ или въ чистомъ костюмѣ — рискованно, особенно въ часы по окончаніи смѣны. Бѣлоснѣжное платьѣ измажутъ до потери естественнаго цвѣта въ автобусной давкѣ люди, недавно отошедшіе отъ горновъ, шлаковыхъ ковшей, коксовыталкивателей, нагрѣвательныхъ колосцевъ...

Вотъ почему часто рабочая молодежь отправляется въ циркъ, театр, кино изъ города пѣшкомъ.

Автобусная давка могла бы быть меньше, если бы цехи озаботились постройкой велогаражей. Въ Магниткѣ — тысячи велосипедовъ. Въ доменномъ цехѣ только въ видѣ премій роздано около ста машинъ.

Пять доменщиковъ премированы уже индивидуальными автомобилями, а гаража ни въ городѣ, ни въ цехѣ нѣтъ. Изъ-за этого мастеръ Морозовъ принужденъ въ очередь съ женой стожить по ночамъ собственную машину. Если бы въ домѣ, гдѣ живетъ Морозовъ, былъ сарай, машину можно было бы держать тамъ. Но дома не имѣютъ ни сараевъ, ни погребовъ, ни кладовыхъ“.

Населеніе по-своему оцѣниваетъ „прелесть“ социалистическаго горodka и строится *само для себя* — безъ особой „грандіозности и показательности“, но съ учетомъ человѣческихъ потребностей.

Въ Магнитогорскѣ — продолжаетъ корреспондентъ — явочнымъ порядкомъ отстроились четыре такъ называемые „Шанхая“. Изъ-за непредусмотрѣнныхъ мелочей — изъ-за того, что въ городѣ негдѣ, напримѣръ держать корову, рабочія семьи отказываются переѣзжать въ каменные дома, предпочитая имъ досчатыя избушки („Ком. Правда“ № 209).

* * *

„Социалистическіе нравы“.

„Ты снять съ работы“ — говоритъ руководитель витебскаго горкома комсомола т. Виленскій И. Небесову — руководителю пионерской работы въ дерев. дѣткомунѣ изъ „безпризорниковъ“. — Выписку получилъ?

Выписка гласила — „Товарища И. Небесова за категорическій отказъ остаться на совѣщаніи деревенскихъ вожатыхъ снять съ работы и дать выговоръ“. И. Небесовъ рассказываетъ, въ чемъ выразился этотъ „категорическій отказъ, вызвавшій такое строгое распоряженіе.

„Я, пишетъ онъ, былъ отпущенъ завѣдующимъ дѣт. коммуны въ Витебскъ до двухъ часовъ дня для полученія мелкокалиберныхъ патроновъ. На нѣсколько минутъ заглянулъ въ горкомъ. Виленскій радостно встрѣтилъ меня:

— Вотъ хорошо. Въ 6 часовъ совѣщаніе. Останешься. — Не могу. Дежурю по коммунѣ и от-

вѣчаю за сѣноуборку. — Долженъ. — Не могу. На моей отвѣтственности съ 2 часовъ 120 быв. безпризорныхъ. Къ 2 часамъ я обязанъ быть въ коммунѣ. — Я командую тобой. Поэтому — слушайся и оставайся.“

И. Небесовъ не послушался. Въ результатѣ — снятъ съ работы и получилъ выговоръ. (Ком. Правда № 209).

Секретарь Комсомола.

„Приѣхалъ къ Трошину (секретарю Павлодарскаго Комсомола) секретарь Калининскаго совхоза. Трошинъ выгналъ его изъ своего кабинета, не спросивъ даже о причинѣ приѣзда.

— „Штаны спущу, если плана не выполнишь“ — кричалъ Трошинъ — Мало васъ здѣсь окочелачивается. Сейчасъ же отправляйся обратно...

— Вы у меня на ципочкахъ ходите будете“. (Тамъ же).

„Внутри-парти́нная демократія“.

„Съ большимъ нетерпѣніемъ и волненіемъ комсомольцы и рабочая молодежь перваго вагоннаго участка ст. Москва 3. Съверной жел. дороги ждали конференціи по культурно-бытовымъ вопросамъ.

Открывъ конференцію, секретарь комитета вагонниковъ тов. Князевъ далъ слово председателю мѣсткома тов. Аксіонову.

Аксіоновъ козырялъ тѣмъ, что онъ передъ конференціей заставилъ администрацію смѣнить бѣлье въ общежитіи, сдѣлать дезинфекцію и подмести полы. 15 человѣкъ записались въ выступленія, и еще многіе подавали за-

писки съ просьбой дать имъ слово.

Мы хотѣли рассказать о томъ, что молодежь вагоннаго участка живетъ въ вагонахъ, гдѣ въ теченіи года не было ни разу дезинфекціи, крыши протекаютъ, тѣснота и грязь. О томъ, что въ вагонѣ № 3080 долгое время не мѣняется постельное бѣлье, нѣтъ умывальниковъ, клопы не даютъ спать... О томъ, какъ подъ руководствомъ тов. Аксіонова побрызгали полъ водой, развели еще больше грязи, и это назвали „улучшеніемъ бытовыхъ условій молодежи“.

Многимъ хотѣлось поговорить о томъ, почему изъ 150 комсомольцевъ — 100 человѣкъ „мертвая душа“, почему они отошли отъ организаціи.

Но жаждущіе выступить... высказаться не смогли. Тов. Князевъ, который велъ конференцію, никому изъ комсомольцевъ и молодежи не далъ слова. Выступали только штатные ораторы“. (Подчерк. К. П.) Редакція „Ком. Правды“ къ этому сообщенію прибавляетъ: „Сигналъ съ Съверной желѣзной дороги весьма тревоженъ; тѣмъ болѣе, что изъ ряда организацій поступаютъ сообщенія о подобныхъ фактахъ“ (Ком. Правда № 212).

„Социалистическая дисциплина“.

„Идите къ директору и создайтесь... Скажите ему искренне, отъ сердца: Я — хулиганка, я распушенная, я — дезорганизованный элементъ“ — наговорите побольше — и онъ васъ

возстановитъ. Онъ любитъ самокритику слушать.“

Студентку Московскаго химико-технологическаго института мясной промышленности Каширину товарищи снаряжали къ директору.

„Идите тихонько, робко. Поклонитесь. Или, нѣтъ, сдѣлайте нѣчто въ родѣ реверанса. И прямо начните, что я — де — хулиганка; элементъ такой то... Руки, конечно, пошвамъ, когда говорить будете...“

Въ чемъ провинилась студ. III курса комсомолка Каширина?

Она нагрубилла преподавателю? Сорвала стѣнгазету? Телефонъ? Прибила къ полу галоши?

Нѣтъ, не то. Она сидѣла бок о бокъ.

Она кончила сдавать экзаменъ, отошла отъ экзаминаціоннаго стола и въ полуоборть къ пріемочной комиссіи сѣла за парту. Въ этой позѣ засталъ ее директоръ и зам. директора... Разсѣкая зачетную тишь, директоръ грозно предложилъ — „сѣсть поприличнѣй“.

Студенты, сколько могли, сѣли поприличнѣй. Одна только Каширина не измѣнила своей „безстыдной“ позы. Ей и въ голову не приходило, что она — сидитъ не прилично.

„Вонъ изъ аудиторіи... Быстро“. И перстъ начальника указывалъ на Каширину, неизвѣстную ему по фамиліи. Растерянная она повернулась, но не встала и не пошла: она еще не понимала въ чемъ дѣло.

Черезъ пять минутъ приговоръ на доскѣ и его читаетъ весь институтъ: „За нарушеніе дисциплины въ аудиторіи во время

зачетовъ, имѣвшее мѣсто 28/VI и за неподчиненіе моему распоряженію объ оставленіи аудиторіи студентку 3 курса Каширину В. изъ института исключить. Директоръ Института Авдѣевъ“.

Тѣ, кто покорооче знакомъ съ нравами директора, просто совѣтовали примириться съ судьбой. Товарищи по группѣ посовѣтовали итти и раскаться — Только, раскаиваться, такъ раскаиваться: — хулиганка, молю, я.

Каширина пошла, но хулиганкой не стала себя называть. Духу не хватило. Она извинялась, общалась и т. д. Директоръ оборвалъ ее и „довелъ до свѣдѣнія, что приказовъ не отмѣняетъ“.

Вступились партійная, комсомольская и профсоюзная организация: напрасный трудъ — „я такую хулиганку возстанавливать не буду“.

Каширина подала заявленіе въ апелляціонную комиссію Наркомпищпрома. (Нар. комиссар. пищевой промышленности) Директоръ и тт. Юффе и Грутовой, составляющіе комиссію, при закрытыхъ дверяхъ въ полчаса разсмотрѣли дѣло и впустили Каширину.

— Рѣшеніе директора мы отмѣнять не будемъ, а вы подавайте заявленіе въ другой вуз.

Церковное торжество въ Москвѣ.

Возведеніе Замѣстителя Патриаршаго Мѣстоблюстителя Митрополита Сергія на кафедру Митрополита Московскаго и Коломенскаго.

Помимо этого мы объявляемъ вамъ строгій выговоръ съ предупрежденіемъ“. На бумагѣ у комиссіи это получилось нѣсколько мягче: „считать возможнымъ возстановленіе Кашириной при условіи перевода ея въ другой институтъ. Объявить ей строгій выговоръ съ предупрежденіемъ за недисциплинированность и распушенность“.

Когда Каширина пришла въ институтъ за документами, она встрѣтилась въ корридорѣ съ директоромъ. „Вамъ, гражданка, въ институтѣ дѣлать нечего — заявилъ директоръ — и вы должны сейчасъ же покинуть зданіе“.

(Ком. Правда № 221)

* * *

„Ком. Правда“ громитъ „административное самоуправство“, „заянство“, „нарушеніе элементарныхъ правилъ союзной демократіи“ мелкой сошки, — разныхъ секретарей мѣсткомовъ и горкомовъ... Но ужъ такъ ли виноваты они, когда генеральная линия „административированія“ осуществляется „показомъ“ съ „верховъ“ сов. бюрократіи? Иныхъ отношеній и не можетъ быть тамъ — гдѣ отрицается личность и права личности.

И. Лаговскій.

Недавно вышедшій — октябрьскій (20—21) номеръ „Журнала Московской Патриархіи“ даетъ описаніе торжества возведенія М. Сергія на Московскую Митропо-

личью кафедру. Приводимъ — въ извлеченіяхъ — сообщеніе объ этомъ церковномъ торжествѣ въ Москвѣ: „14/27 апрѣля 1934 года войдетъ особо знаменательнымъ днемъ въ исторію Русской Православной Церкви“, пишетъ „Журналъ Москов. Патриархіи“. На засѣданіи Синода (расширенномъ) въ этотъ день „соборнымъ голосомъ русской іерархіи“ рѣшено было „возвести Замѣстителя Патриаршаго Мѣстоблюстителя Митрополита Сергія Горьковскаго (Нижегородскаго) на Первосвятительскую Московскую кафедру съ титуломъ Блаженнѣйшій“.

Сообщеніе указываетъ, какъ постепенно назрѣвало принятое рѣшеніе.

Сознаніе необходимости „болѣе твердаго и опредѣленнаго положенія главы Русской Православной Церкви“ крѣпло постепенно въ теченіе трехъ послѣднихъ лѣтъ. Ознакомленіе съ положеніемъ на мѣстахъ, участіе всего Епископата въ патриаршемъ синодѣ при Замѣстителѣ Мѣстоблюстителя, благодаря чему „всѣ участники сессій Синода какъ бы вплотную подходили къ жизни всей нашей помѣстной Церкви“, выяснило необходимость созданія не „временнаго“, а постояннаго возглавленія церковнаго управленія. „Девятилѣтній опытъ, пишетъ Журналъ Московской Патриархіи“ — открывалъ для многихъ и многихъ все неудобство и даже прямой вредъ „временнаго“, какъ бы случайнаго возглавленія отдѣльными іерархами церковнаго управленія“.

Идея „временнаго управленія“ породила столько истолкованій

отношенія къ истинному церковному чиновначалю“.

Многіе ссылаясь на блюденіе „каноническихъ основъ“ — прикрываясь тѣмъ, что возглавленіе „временное“, „отходили и брюзжали на сторонѣ“, другіе даже „впадали въ грѣхъ прямого раскола“. „Сама идея Патриаршества... какъ бы стала отходить въ желательное, но далекое историческое прошлое“.

„Вдовство кафедры перваго епископа Русской Автокефальной Церкви ставило ее въ какое то нѣсколько ложное положеніе къ своимъ сестрамъ — Автокефальнымъ Церквамъ Востока. Тѣмъ болѣе — при наличіи различныхъ церковныхъ „течений“.

Между тѣмъ „деятилѣтній опытъ показалъ, какъ мудро, глубоко церковно, въ соотвѣтствіи съ канонами и церковной икономіей управлялъ Замѣститель Патриаршаго Мѣстоблюстителя“...

„Не только сама личность Блаженнѣйшаго Митрополита Сергія, какъ человѣка выдающагося и богато одареннаго, личность, такъ гармонически соединившая въ себѣ и науку, и смиреніе монашеское, и сознаніе чистоты церковной, и житейскую мудрость, но и его мудрое руководство жизнью церковной, безграничная любовь къ Матери — Церкви, братское, евангельски — любвеобильное отношеніе къ епископату и всѣмъ пасомымъ — все это по единомысленному сужденію должно было предоставить ему кафедру не рядового епископа, а кафедру Первосвятителей, кафедру столичнаго города“.

„Эта свѣтлая и достойная мысль, объединившая около себя

большинство епископата и духовенства, среди которых было не мало членомъ Собора 1917 года“, усливалась желаніемъ“ отмѣтить Первосвятителя особымъ титуломъ, отличнымъ отъ прочихъ іерарховъ, титуломъ „Блаженнѣйшаго“...

Все это и привело къ тому, что 14/27 апрѣля 1934 года Митрополитъ Ленинградскій Алексій въ расширенномъ засѣданіи Патріаршаго синода — отъ лица всей русской іерархіи обратился къ Митрополиту Сергію съ просьбой вступить въ управление вдовствующей Московской Кафедрой и принять наименованіе „Блаженнѣйшаго“.

Торжество вступленія Митрополита Сергія въ управление Московской митрополичьей кафедрой рѣшено было приурочить къ 19 апрѣля (2 мая н. с.) (праздникъ Преполовенія).

Постановлено было въ этотъ день „въ Московскомъ Кафедральномъ Богоявленскомъ соборѣ, въ сослуженіи представителей московскаго духовенства совершить торжественное Богослуженіе, за которымъ изъ Единой Чаши приобщившись, всѣ бы нелицемѣрно засвидѣтельствовали свое неложное отношеніе къ Первоіерарху“.

Далѣе — слѣдуетъ описаніе самого торжества.

— „Въ сослуженіи Божественной Литургіи участвовало 20 епископовъ, 44 сослужащихъ (о. о. благочинные и настоятели храмовъ) и 15 о. о. діаконовъ при огромномъ стеченіи православныхъ москвичей. Передъ началомъ Литургіи Блаженнѣйшій Митрополитъ былъ встрѣченъ

всѣми епископами и сослужащимъ духовенствомъ по обычаю“.

Архіепископъ Дмитровскій Питиримъ, какъ временно управляющій Московской епархіей, привѣтствовалъ Митрополита отъ лица Московской епархіи.

„Ваше Блаженство, Блаженнѣйшій киръ Сергій, Митрополитъ Московскій и Коломенскій, Дорогой Архипастыръ и отецъ нашъ — такъ началъ свою рѣчь Архіепископъ — сегодня Русская Православная Патріаршая іерархія, въ лицѣ собравшихся здѣсь своихъ представителей, а также Церковь Московская встрѣчаетъ Тебя не только какъ главу нашей Церкви, но прежде всего и главнымъ образомъ, какъ Ангела Хранителя и Отца Церкви Московской И, встрѣчая Тебя радостно и свѣтло, привѣтствуетъ это первое Твое вхожденіе въ Твой новый кафедральный храмъ... Привѣтствуетъ радостно твое восхожденіе на кафедру Святителей Московскихъ и, чрезъ сослуженіе съ Тобой предстоящей Божественной Литургіи, мистически сопосаждаетъ Тебя на Престолъ ихъ и утверждаетъ Тебя въ Твоемъ новомъ іерархическомъ титулованіи“.

Отмѣтивъ далѣе то, что, принимая эту кафедру, Митрополитъ Сергій „смирненно и безропотно склонилъ главу подъ соборное волеизъявленіе іерарховъ“, явивъ этимъ „намъ, твоимъ собратіямъ, примѣръ истиннаго самопожертвованія для блага Церкви Божіей“, Архіепископъ Питиримъ просилъ Митрополита Сергія помолится о томъ, чтобы „Господь Пастыреначальникъ соединилъ бы всѣхъ насъ, отъ Единыя Ча-

ши причащающихся, другъ ко другу узами нелицемѣрной любви и родства духовнаго, объединилъ бы вокругъ Него не только здѣсь присутствующихъ но и всѣхъ отсутствующихъ архипастырей, пастырей и пасомыхъ для блага Матери нашей Церкви“.

Послѣ рѣчи Архіепископа Питирима Епископъ Коломенскій Сергію — отъ лица Московской епархіи — поднесъ Митрополиту Сергію вторую панагію, усвоенную при служеніи Митрополиту, почтенному титуломъ блаженнѣйшаго, а епископъ — Орѣхово-Зуевскій Іоаннъ поднесъ Митрополиту — по русскому обычаю — хлѣбъ соль.

Во время причащеннаго стиха управляющій дѣлами Патріаршаго Синода прот. А. В. Лебедевъ огласилъ всенародно актъ о возведеніи Митрополита Сергія на кафедру Первосвятителей Московскихъ и объ усвоеніи ему титула „Блаженнѣйшій“ съ ношеніемъ двухъ панагій.

Чтеніе акта завершилось торжественнымъ пѣніемъ „Тебе Бога хвалимъ“. По окончаніи Литургіи въ притворѣ храма былъ совершенъ, положенный церковнымъ уставомъ въ день праздника Преполовенія, чинъ освященія воды, а затѣмъ — уже въ самомъ храмѣ — всѣмъ сонмомъ епископовъ и духовенства (до 100 человекъ) былъ отслуженъ благодарственный молебенъ.

Въ концѣ молебна привѣтствовалъ новаго Митрополита Московскаго и Коломенскаго Митрополитъ Ленинградскій Алексій. Отмѣтивъ радость собравшихся помолитися вмѣстѣ съ новымъ Первосвятителемъ Московскимъ,

Митрополитъ Алексій подчеркнул, что на состоявшемся духовномъ торжествѣ „было представлено общее рѣшеніе епископовъ нашей Православной Русской Церкви“, чтобы Митрополитъ, Сергію“ возглавилъ вдовствующую кафедру Московскую и принялъ наименованіе, отличающее его среди прочихъ Архипастырей“.

„И мы — продолжалъ Митрополитъ Ленинградскій — возложили на Тебя двѣ панагіи — отличіе первоіерарховъ — сугубо поручая Тебя въ Твоемъ высокомъ служеніи Покрову Божію и Пречистой Матери Господней. Сими знаменіями мы явили новое выраженіе нашей общей сыновей любви къ Тебѣ и наше благодарное признаніе Твоихъ великихъ подвиговъ въ служеніи Церкви Божіей. И вмѣстѣ мы какъ бы утвердили единодушно и единомысленно церковными правилами указуемое и ограждаемое Твое священноначальственное дѣйствование въ Русской Православной Церкви“... „Прими же отъ насъ, Блаженнѣйшій Владыка, закончилъ Владыка Митрополитъ Алексій — это изъявленіе нашей любви къ Тебѣ и нашей вѣрности, и на дѣланіе cadaго изъ насъ, Твоихъ сопастырей, и на всю обширную паству твою призови зиждательное благословеніе Пастыреначальника и Спаса Нашего Господа Иисуса Христа“.

Въ отвѣтъ на эту рѣчь, отражающую — по замѣчанію журнала — дѣйствительное настроеніе всего русскаго епископата“, Блаженнѣйшій Митрополитъ Сергію произнесъ рѣчь, въ которой за-

свидѣтельствовали свою вѣрность Патриаршему Мѣстоблюстителю Митрополиту Петру и, выразивъ благодарность соборному рѣшенію епископата, призвавшаго его на кафедру Первосвятителей, призвалъ всѣхъ къ единенію, просилъ епископатъ вмѣстѣ съ нимъ усугубить труды по управленію Русской Церковью, памятуя отвѣтственность, которая лежитъ на каждомъ изъ архіереевъ. Въ заключеніе своей рѣчи Митрополитъ Сергій обратился съ особой просьбой къ своимъ новымъ викаріямъ, приглашая ихъ къ взаимной любви и братскому единенію въ помощь ему, просилъ молитвъ столичнаго духовенства

и призвалъ благословеніе Божіе на свою новую Московскую паству, такъ горячо привѣтствующую своего новаго Митрополита. Послѣ многолѣтня, епископы вмѣстѣ съ духовенствомъ еще разъ пропѣли „Тебе Бога Хвалимъ“. Этимъ и закончилось торжество“.

Въ день торжества новый митрополитъ Московскій получилъ множество привѣтственныхъ телеграмъ, среди нихъ — нѣсколько изъ-за границы — отъ Митрополита Ковенскаго и Литовскаго Елевферія, Митрополита Японскаго Сергія, отъ Архіепископа Веніамина Американскаго и др.

„ВѢСТНИКЪ“

Открыта подписка на 1935 годъ.

Условія подписки тѣ же.

„ВѢСТНИКЪ“ просить

каждаго читателя провести индивидуальную кампанію содѣйствія „ВѢСТНИКУ“.

Оглавленіе „ВѢСТНИКА“ за 1934. годъ.

- о. С. Булгаковъ. — Наше знамя. № 1. Идея „Общаго дѣла“. № 10.
- В. Б. — Борьба за вѣру. № 4.
- Вл. В. — „Послѣдній и рѣшительный“. № 5—6.
- Проф. Б. П. Вышеславцевъ. — Культура сердца. № 1. Совершенная любовь. № 3.
- Г. Гребеншиковъ. — Игумень всяя Руси. № 7—8.
- Н. М. Зерновъ. — Возможно ли соединеніе съ Православіемъ западныхъ христіанъ. № 3.
- Приглашеніе православныхъ студентовъ въ англійскіе колледжи. № 5—6.
- Пути сближенія между Англиканской и Православной Церквами. №№ 9; 10; 11—12.
- Проф. В. В. Зѣньковский. — Национальный вопросъ въ свѣтѣ христіанства. № 4.
- В. Н. Ильинъ. — Къ особенностямъ творчества И. А. Бунина. № 1.
- Иеромонахъ Іоаннъ (Шаховской). — Духовно-этические этюды. № 9.
- о. Іоаннъ Кронштадтскій. — Автобіографія. № 1. Къ Великому посту. № 2.
- А. Кошульскій. — Въ камерѣ № 16 Кременецкой тюрьмы. № 4.
- И. А. Лаговскій. Итоги безбожной пятилѣтки. № 1. Дозволительно ли по ученію св. Церкви убійство. № 2. Пасха крестная (Св. и Великій Четвергъ, Пятница и Суббота) № 3. Русская молодежь здѣсь и тамъ. № 5—6. Передъ новыми испытаніями. № 5—6. Завершительный шагъ. № 7—8. Показательный опытъ. № 9. Совѣтская жизнь. №№ 4; 11—12.
- Ю. Мельниковъ. — Безбожіе въ СССР. № 7—8.
- П. — Пути Движенія. № 9.
- Б. Покровскій. — На сѣздѣ въ Клиши. № 5—6.
- Ф. Т. Пьяновъ. — По поводу сѣзда въ Клиши. № 5—6.
- Т. В. — „Страшно впасть въ руки Бога живаго“. № 7—8.
- кн. Е. Трубецкой. — Міровоззрѣніе въ краскахъ и линіяхъ. № 11—12.
- Г. П. Федотовъ. — Россія, Евразія, Византія. № 2.
- о. С. Четвериковъ. — Нѣсколько словъ по поводу замѣтки „Когда это кончится“. № 2.
- Послѣднее цѣлованіе. № 10.
- Пасторъ Шабертъ (переводъ съ нѣмецкаго). — Какъ страдалъ и умеръ Высокопреосвященный Антоній, Архіепископъ Архангельскій. № 4.

Совѣтская жизнь.

Совѣтская жизнь. №№ 3; 5—6. — Совѣтское издательство. № 3. — Изъ рѣчи Ярославскаго. № 3. — Будни Совѣтскіе. № 5—6.

Жизнь движенія.

Жизнь Движенія (хроника). №№ 2; 3; 4; 5—6; 10. — У Таллинскихъ Витязей и Дружинницъ. № 7—8. — Прискорбное недоразумѣніе. № 11—12.

Статьи безъ подписи авторовъ.

- Путь Вѣры. № 1. — о. Іоаннъ Кронштадтскій. № 2. — „Когда это кончится?“ № 2. — Судьба Саровской пустыни. № 5—6. — Во имя св. Сергія. № 7—8. — Христіанинъ, политика, государство. № 9. — Церковь и Государство. № 9. — Англо-православная встрѣча. № 9. — По поводу статьи Н. М. Зернова. № 9.

Церковная жизнь.

Опредѣленіе Архіерейскаго Синода. № 7—8. — 2. Конференція православнаго и лютеранскаго духовенства. № 7—8. — Церковное торжество въ Москвѣ. № 11—12.

Некрологи.

† Александръ I, Король Югославіи. № 10. — † Высокопреосвященнѣйшій Іоаннъ, Арх. Рижскій и всяя Латвіи. № 10.

Новыя книги.

№№ 9; 10.

„ВѢСТНИКЪ“

Открыта подписка на 1935. годъ.
Условія подписки остаются безъ измѣненія.

Къ читателямъ „Вѣстника“.

Многіе изъ подписчиковъ „Вѣстника“ не смогли внести своевременно подписной платы. Другіе — вынуждены были даже временно перекратить подписку.

„Вѣстникъ“ справится съ трудностями. — Въ этомъ ему помогутъ энергія подписчиковъ, любовь ихъ къ журналу, къ тому дѣлу, которому служитъ „Вѣстникъ“.

„Вѣстникъ“ и на этотъ годъ долженъ быть обезпеченъ достаточнымъ количествомъ подписчиковъ.

Убыль, вызванная кризисомъ, должна быть восполнена и восполнена съ избыткомъ.

„Вѣстникъ“ еще въ прошломъ году уменьшилъ подписную плату до возможнаго минимальнаго предѣла.

„Вѣстникъ“ вѣритъ, что подписчики помогутъ ему повысить количество подписчиковъ до максимальнаго предѣла.

„Вѣстникъ“ проситъ каждаго подписчика провести въ этомъ году индивидуальную кампанію содѣйствія „Вѣстнику“.

Индивидуальная кампанія содѣйствія Вѣстнику должна выразиться:

- 1) Въ быстромъ внесеніи каждымъ (хотя бы части) своей подписной платы,
- 2) Въ нахожденіи каждымъ подписчикомъ и читателемъ хотя бы одного новаго подписчика.

„Вѣстникъ“ надѣется, что каждый подписчикъ, каждый движенецъ въ январѣ Новаго года проведетъ индивидуальную кампанію содѣйствія „Вѣстнику“.

Редакторъ : П. ЛАГОВСКІЙ.

Vastutav toimetaja Eestis T. Lagovski, Tartus, J. Kuperjanovi tän. 14, 4.
Vastutav väljaandja Eestis: Leo Schumakov, Tartus, Kevade tän. 5, 4.

K. Mattieseni trükikoda o/ü., Tartu 1934.